

# Обманутый обманутыми

С творчеством автора книги «Записки фрейера» (Изд-во «Мусагет», М., 1994) художника Валентина Коновалова, сами того не подозревая, знакомы даже те, кто никогда не бывал на выставках его работ и убежден, что не видел ни одного его произведения. Он — один из создателей (художник-постановщик) всех нашумевших фильмов Тодоровского-старшего («Интердевочка», «Анкор! Еще анкор!» и др.). А их, согласно статистике, просматривали большинство россиян. Впрочем, любители искусства знают Коновалова и как дизайнера с ярко выраженным индивидуальным почерком, и как оригинального театрального художника, и как автора трепетно-прозрачных акварелей, удивительных по цвету, прямо-таки колдовских живописных полотен. А теперь вот многие открыли его еще и как литератора, написавшего «Записки фрейера».

Это слово из уголовно-криминального жаргона он использует в трактовке А. Солженицына: фрейер — значит не вор, то есть, не Человек с большой буквы. Ну, попросту фрейера — это остальное не воровское человечество. И все же почему столь иронично, с издевкой, я бы сказал, даже вызывающе назвал свой литературный дебют известный художник?

Видимо, желая рассеять наши недоумения на сей счет, сам он так расшифровал свой замысел: «Это записки заключенного в экспериментальную клетку подопытного кролика, обманутого обманутыми, в которых делается очередная попытка рассеять обман». Но после такой расшифровки книгу берешь, честно говоря, с еще большим предубеждением: уж не очередная ли это интеллигентская заумь? А может, сознательный эпатаж? Или еще одна порция чернухи?

Дочитав «Записки» до конца, убеждаешься: слава Богу, ни то, ни другое, ни третье. Это оказалась на редкость интересная, поучительная, интеллигентная в самом высоком смысле книга.

В центре повествования судьба художника Савелия Алешина, точнее, его мучительные потуги разобраться в себе, в своем творчестве, в своих корнях, в окружающих людях, в современном мире. Но (оговорюсь сразу) «Записки фрейера» — не книга об искусстве (хотя и об искусстве тоже), не мемуары, не дневник, не художественная биография мастера. И не роман, не публицистика, тем паче — не детектив. Скорее всего — притча, но весьма своеобразная, без строго очерченных сюжетных линий и фабулы, с элементами очень органичного (всегда к месту), очень бережного и экономного вкрапывания в художественную ткань то весьма личностных (а значит и спорных, интересных) рассуждений об искусстве, то собственных воспоминаний, дневниковых записей, то отрывков из чужих писем времен первой мировой войны, то бьющих прямо в «яблочко» наших зачерствелых сердец газетных заметок из «Русского слова» рокового для России 1917 года...

«Записки» — своеобразная притча о блудном сыне, точнее — современный вариант притчи о блудном сыне. В отличие от библейского героя Коновалова уходит не столько из отчего дома, сколько от

самого себя, подлинного, в мир, где все обречены лгать до самой смерти, до гробовой доски, где все живут в удручающей атмосфере солидарности, солидарности лжецов. Эта всеобщая ложь давно уже сковала людям души, и они привыкли строить свои жизни без понятия пространства, свои судьбы — без понятия силы, психологию — без понятия воли. Короче говоря, прозябать в уповании на чудо и случай.

Живописуя мучительный процесс прозрения Савелия Алешина, которому перед тем, как обрести свое «я», не раз еще доведется набить новые шишки, быть обманутым, обманываться и самообманываться, падать и подниматься с колен, чтобы все начать сначала. Автор не спешит в угоду конъюнктурным соображениям спрямлять его путь. Он как бы вместе с ним ищет опору и для своей собственной устойчивости в условиях сегодняшней сумасшедшей жизни, где давно лопнули вроде бы еще вчера казавшиеся вечными ложные ценности.

«Записки фрейера» — не из тех книг, что «проглатываются» залпом по пути на работу в

## Заметки критика

вагоне метро или пригородной электричке. Они требуют медленного и вдумчивого чтения, как в добрые старые времена, — с карандашом в руках. Написанные великолепным русским языком «Записки» Валентина Коновалова затрагивают в каждом мыслящем человеке самые «звонящие», самые чувствительные струны. Они вообще-то о том, что сегодня волнует большинство россиян, — о возрождении отечественной духовности и подлинной деловитости, о менталитете русской нации и россиян, об истинной Свободе, Правде, Красоте.

Только в отличие от лжепатриотов и «чикагских мальчиков» автор не изрекает истин в последней инстанции. Он как бы на наших глазах ищет свои ответы на испокон веков мучающие людей вечные вопросы. Он, если можно так сказать, весь диалогичен и многовариантен. У него даже единственный сквозной персонаж — Савелий Алешин не в пример своим покойным родителям (те еще в ранней молодости поверили в быструю улучшения человека, да так и не повзрослели, ушли в могилу наивными, наверное, по-своему счастливыми, как бывают счастливы гости) состоит как бы из трех совершенно не похожих друг на друга разных людей — идеалиста, материалиста и промежуточника. Причем, когда действовал один, остальные куда-то исчезали. Они вообще терпеть не могли друг друга.

Идеалист обзывал материалиста шалашником и колбасником за то, что тот мертвой хваткой привязан к низменным, с точки зрения идеалиста, вещам и те им правят железной рукой страха. А из-за привычных обстоятельств лживой видимости равенства материалистов и их всеобщей бездуховности, заборнокожных интересов, по его мнению, начался процесс развала государства и семейных уз.

Материалист же в свою очередь на чем свет клянет левбединую душу и акварельные мозги идеалиста, которые веч-

но заняты сверхличными переживаниями и полны презрения ко всему земному, равнодушно смотрят на то, как гибнет мир в словесной трескотне.

Промежуточник, этот вечный приспособленец, этакий современный вариант грибоводского Молчалина, презирал обоих сразу. Он заставлял всех молчать, считал главным вести себя проще, а уж если требовалось говорить, то как можно банальнее. Но почему-то именно промежуточник чаще всего выходил победителем и в Савелии, и, что там скрывать, в реальной жизни — в каждом из нас. Не потому ли, что мы никак не можем освободиться от пагубной совковой привычки — всегда и везде, перед кем угодно и даже самим собой — лгать?

Но как же освободиться от всеислия Промежуточника? Как научиться отличать истинные ценности от ловких подделок под них?

В изобразительном искусстве (художники знают) это делается очень просто — с помощью обычного зеркала. Наведите его, скажем, на «Явление Христа народу» Александра Иванова, и отражение в зеркале сохранит все достоинства этой знаменитой картины. А вот репинский «Крестный ход», которым нас заставляли восхищаться столько десятилетий подряд, на проверку оказался халтурой — в зеркальном отражении он рассыпается. Люди, изображенные на этом холсте, начнут падать в пыль, хоругви — лететь в небеса.

Где же взять подобное зеркало для определения подлинных ценностей реальной человеческой жизни? Савелий неожиданно для себя нашел такого верного «определителя» в древнерусских иконах Третьяковской галереи. «Никому не расскажешь, засмеют, — пораженный своим открытием сам с собой рассуждал герой «Записок». — Не институт, не педагоги, а доски». Именно они сняли с его души большую часть тяжести его вечных вопросов. Они даже сразу на что-то ответили ему. У Савелия было такое ощущение, точно в пустыне бездуховности он обнаружил оазис и вошел в страну внутреннего содержания. Он понял главное: завтрашние истины лежат в решете вчерашнего.

Выпрямляющую силу искусства, как известно, приметили давно — и Федор Достоевский, и Глеб Успенский, и многие другие. Но Красота спасает только тех, кто хочет спастись. К сожалению, большинство россиян все еще держат в крепкой узде слепая вера и случай, одиночество пионеров и сомнение невежд. Если и дальше жить такой тройной жизнью, какой прожил большой отрезок отпущенного ему времени герой «Записок», и делать вид, что ничего, страшного не происходит, это может привести в окончательный тупик, из которого потом удастся выплыть только через море собственной крови. «Старые модели отечественных утопий исчерпаны, — говорит устами своего героя В. Коновалов, — пора приступить к созданию новой, свежей, а главное — ясной, как сам русский язык. Пусть пока даже не на духовной основе. Какой уж там дух!

Хотя бы в первое время на элементарной созидательной идее».

Дмитрий ГОРБУНЦОВ.